021989

5 5 5

ТУ–19–241–82

1

1

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—031

Вл. Муравьев
Иван Великий
художник М. Петров

Русская армия покидала Москву. Разумом понимали, что нельзя иначе и правильно решил Кутузов, а всё-таки, когда шли по улицам Белокаменной, у каждого сердце щемило.

Рядовому конно-егерского полка Фёдору Николаеву было совсем горько: ведь он — московский, родился и вырос здесь, в Замоскворечье, в Кадашах.

С их двора виден был Кремль с дворцами, собора-ми и высокой колокольней посреди них. Колоколь-ня эта была самое высокое строение в Москве и по-тому называлась Иван Великий.

Над всей Москвой возвышался Иван Великий. Его золотой купол сиял, как старинный боевой шлем. Говорили в народе: «Пока Иван Великий стоит, и Москва стоять будет».

Русская армия отошла по Калужской дороге на 80 вёрст и возле села Тарутина расположилась лагерем, ожидая подкреплений и набирая силу для удара.

Отряду Фёдора Николаева — егерям и казакам — приказано было идти по Петербургскому тракту и, отойдя вёрст пятнадцать, вести наблюдение за противником и действовать смотря по обстоятельствам.

Когда ещё только миновали заставу, заметили, что в Москве начались пожары, поднялся дым. С наступлением темноты зарево становилось всё сильнее и сильнее.

На следующий день послали в город разведку. Казаки вернулись, рассказали: французы поджигают дома что побогаче и грабят. Шесть дней бушевал огонь, выгорели целые улицы. Печальное зрелище представляла собой Москва.

Уже целый месяц отряд Фёдора Николаева ходил между Петербургским трактом и Дмитровской дорогой. Нападали на французских солдат, засылали разведчиков в город, брали пленных и поэтому знали обо всём, что делалось во вражеском стане.

10 октября выпал черёд идти в Москву Фёдору. Возле Страстного монастыря жил добрый приятель Фёдора—сапожник. Фёдор первым делом зашёл к нему.

«Начинают французы уходить помаленьку,—сказал сапожник.—Сам Наполеон, говорят, уже уехал, но, уезжая, приказал в отместку за нашу неприветливость Кремль со всеми соборами взорвать. Их сапёры ведут подкопы, я ходил смотреть: под всеми башнями копают».

Вернулся Фёдор, доложил командиру отряда генералу Винценгероде. Командир у них был австриец, воевал в русской армии. Храбрый был генерал. Французский император считал его своим личным врагом.

Как услышал Винценгероде, какую месть задумал Наполеон, воскликнул: «Не бывать этому! Я поеду к командующему московским гарнизоном маршалу Мортье и скажу ему, что дам французам спокойно выйти из Москвы при одном условии: если он откажется от взрыва Кремля».

Генерал приказал адъютанту отобрать для сопровождения десяток казаков. «Ваше превосходительство, возьмите меня»,—попросил Фёдор. «Тебя первого беру»,—ответил генерал.

До Тверских ворот доехали благополучно, не встретив ни одного патруля.

Винценгероде велел Фёдору повязать на пику белый платок—знак парламентёра. У генерал-губернаторского дома стоял французский патруль. «Я прислан от начальника русского отряда парламентёром к начальнику французских войск»,—заявил Винценгероде офицеру. «Сейчас пошлю доложить о вас маршалу»,—ответил тот.

Но тут из переулка выскочил разъезд французских драгун. Драгунский офицер подскакал к Винценгероде и крикнул: «Вы мой пленник!»—«Он парламентёр»,—возразил ему патрульный офицер. «Врёт!»—сказал драгун.

Винценгероде вспылил: «Как вы смеете! Требую передать, что начальник русского отряда, стоящего перед Москвой, желает иметь переговоры с командующим французскими войсками».

Фёдор подумал: «Не выйдет ничего с переговорами. Пока они будут разбираться, сапёры в Кремле как раз доделают своё дело». Никто не обращал на него внимания, он отошёл в сторону и спрятался в развалинах дома.

Фёдор оказался прав: маршал Мортье не признал Винценгероде парламентёром, отказался вести переговоры, объявил военнопленным и заключил под стражу.

Из дома в дом, из двора во двор, из переулка в переулок—пробрался Фёдор к своему знакомому сапожнику,

рассказал ему о неудаче. «Значит, не бывать у нас больше ни Кремля, ни Ивана Великого. Конец Москве приходит: что она без них!»—вздохнул сапожник. «Рано отходную поёшь,—возразил Фёдор.— Ещё есть время не дать свершиться злому делу!»

Переоделся Фёдор в крестьянскую одежду, и пошли они с сапожником к Кремлю. «В Кремль русских не пускают», — объяснял сапожник. «Солдатскую смекалку следует применить», — сказал Фёдор.

Подошли они к Кремлю, видят — французские сапёры под стенами свою работу закончили, сидят отдыхают. Выбежал из Троицких ворот офицер, закричал что-то, солдаты схватили проходивших мимо русских мужиков, увели в Кремль.

«Куда их повели? Зачем?»—размышлял сапожник. «Вот как мы попадём куда надо!»—сказал Фёдор. Они подошли к воротам и встали, вроде любопытствуя. Французские солдаты и их схватили.

В Кремле царила суматоха. Бегали солдаты, офицеры, грузились повозки. Скоро Фёдор понял, зачем они понадобились французам: сапёры не успевали, поэтому-то и заставляли рыть подкопы русских мужиков.

Хмурые мужики еле ворочали лопатами, то и дело французские солдаты торопили их прикладами в спину—за каждым стоял надзиратель, глаз не спускал.

Фёдор огляделся и сказал сапожнику: «Сегодня взрывать будут. Слушай: когда они запалы подожгут и побегут, тогда мины останутся без охраны. Вот эти-то минуты—наши».

Заканчивали минирование уже в сумерках. К тому времени Кремль опустел. Мужиков выгнали из подкопов и подвалов, туда спустились сапёры.

И в тот самый момент, когда сапёры выехали из ворот и погнали лошадей, Фёдор, сапожник и ещё несколько мужиков бросились в Кремль.

«Вы к Спасским бегите, я—к Ивану Великому»,— распорядился Фёдор. Они не знали, сколько минут до взрыва и не ждёт ли их смерть—об этом не думали.

Раздался первый взрыв, дрогнула земля, повалилась Арсенальная башня.

Дверь в подвал под Иваном Великим оказалась запертой. Пока Фёдор выламывал её, шли драгоценные минуты.

Наконец дверь выломана. В темноте светились свечки на бочках с порохом. Фёдор затушил их. Но он заметил, что французы ставили ещё и скрытые запалы. Где-то тлеет фитиль, и не видать его. Фёдор бросился шарить по полу, нашел, выдернул.

Фёдор выскочил на улицу, и тут его оглушил взрыв. Он упал.

На рассвете передовой русский отряд, сметая остатки замешкавшихся в городе французских частей, ворвался в Кремль. Это был отряд Фёдора Николаева.

Глазам казаков предстал полуразрушенный Кремль, но среди разрушения стоял Иван Великий... «Чудо—да и только»,—удивлялся один солдат. «Так это ж Иван Великий,—возражал ему другой,—потому и устоял».

Тут они услышали стон под развалинами. Быстренько раскидали кирпичи. «Так это же наш Фёдор!» Фёдор лежал в беспамятстве, а в руке крепко сжимал обгорелый фитиль. «Вот оно—чудо»,—сказал первый солдат.

После боя, как положено, солдаты решали, кто из них за этот бой достоин награды — Георгиевского креста, и солдатское решение было справедливо и нерушимо: «Самый главный герой среди нас нынче Фёдор Николаев!»

Полк недолго задержался в Москве—ушёл гнать французов дальше. Перед выступлением товарищи навестили Фёдора Николаева в лазарете, вручили Георгиевский крест—знак солдатской доблести, пожелали скорейшего выздоровления.

Начала отстраиваться Москва после пожара и разорения, и первым встал над городом на высоком холме, отмытый от копоти, заново вызолоченный, могучий богатырь—Иван Великий.

КОНЕЦ

Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ
Д-131-88

103062, Москва, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30